

Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х — 1960-е годы

О.В. Горбачев

Хотя основным процессом, определившим неудовлетворительное демографическое состояние советской деревни, принято считать стихийную миграцию сельских жителей в города, заметную роль сыграли и организованные перемещения. Советская политика перераспределения рабочей силы, с одной стороны, была направлена на обеспечение промышленности трудовыми ресурсами, с другой — исходила из экономической и политической необходимости заселения окраин, развивая сложившуюся в досоветское время традицию. Тема организованной миграции населения в советское время не является новой в литературе, хотя существующие работы немногочисленны¹, причем интерес исследователей привлекали главным образом процессы довоенного времени. Далее речь будет идти о сельскохозяйственном переселении и организованном наборе рабочих (сфера принудительных миграций требовала бы отдельного рассмотрения).

Существующие здесь сегодня проблемы таковы: 1) отсутствует общее понимание эволюции системы организованного перераспределения рабочей силы в послевоенное время; 2) нуждаются в уточнении соотношения между стихийными и организованными миграциями; 3) при том, что процесс миграции с точки зрения принимающей стороны освещен (в монографии Л.В. Зандановой), ситуация в местах выхода переселенцев, их отбор и т.д. не раскрыты; 4) до сих пор почти не уделялось внимания региональной специфике организованных перемещений.

Толчком к созданию в середине 1920-х годов советской системы организованного переселения послужило большое количество желающих переехать из центральных губерний за Урал. Сказывалось идеологическое давление на деревню, а также осознание невозможности сохранить прежний уклад в условиях малоземелья. В 1924 г. по стране заявок на переезд было 163 тыс., а в 1926 г. — 500 тысяч. С 1925 г. в системе Наркомзема начала действовать программа организованного переселения. Таким путем только за 1925—1929 гг. в Сибирь (обычное направление тогдашних переселений) переехало около 910 тыс. человек. При этом на долю Центрального района приходилось около 10% от этого количества². С учетом того, что на территории района развертывалось строительство многочисленных промышленных предприятий, требовавшее рабочих рук, эта цифра вряд ли могла быть большей. В дальнейшем

Горбачев Олег Витальевич — кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета.

массовое переселение было связано с начавшейся коллективизацией. При этом обозначившиеся ранее тенденции, касающиеся его численности и направлений, в основном сохранялись.

После Великой Отечественной войны содержание процесса несколько изменилось. По-прежнему многие территории востока РСФСР оставались главным направлением переселения. Вместе с тем положение в Центральном районе существенно ухудшилось. Еще к концу 1930-х годов было ликвидировано аграрное перенаселение. К последствиям массового исхода из села в довоенные годы теперь добавились серьезные военные потери. Тем не менее это не смягчило государственную политику в отношении территорий, традиционно поставлявших переселенцев. Хотя Центральное Нечерноземье заметно теряло собственное сельское население в результате стихийной миграции, во многих областях Центра (а сразу после войны — в большинстве) принимались меры по организации дальнейших переселений на восток.

В послевоенной миграционной политике появился новый фактор. Помимо очевидной экономической целесообразности заселить районы нового освоения, отвечавшей планам послевоенных пятилеток, усиливалось значение политических мотивов. Речь шла о русском заселении территорий, прежде занятых другими народами. Суть этой политики отражена в названии постановления Совета министров СССР (№ 3014 от 28 августа 1947 г.)³: «О репатриации из Сахалинской области японских военнопленных и интернированных гражданских лиц и о переселении колхозников и другого сельского и городского населения в Сахалинскую область для работы в промышленности и на транспорте». Местных жителей заменяли переселенцами не только в Сахалинской области, такая задача ставилась и в отношении Карелии (тогда входившей в Ленинградскую область), Калининградской и Саратовской областей (до войны, как известно, существовала Республика немцев Поволжья). Кроме того, в 1946 г. завершалась ранее начатая программа подобных мероприятий в отношении Крымской и Грозненской областей.

Территории Центральной России рассматривались в качестве основного источника людских ресурсов. Планируемое число переселяемых семей распределялось примерно равными долями среди областей, имевших репутацию малоземельных. При этом западным и юго-западным областям Нечерноземного Центра предлагалось переселить несколько большее количество семей — как имеющим аграрную специализацию, а следовательно, по мнению переселенческих органов, более существенные излишки рабочей силы. Практика равного, в принципе, распределения заданий между областями как нельзя лучше иллюстрировала инерционность переселенческой политики. Смоленская область на протяжении ряда послевоенных лет продолжала быть втянутой в обязательства по переселению, между тем аграрное перенаселение здесь было ликвидировано уже к середине 1930-х годов⁴.

По плану на 1947 г. в Сахалинскую область необходимо было переместить 22 500 семей. При этом по тысяче семей требовалось направить из большинства областей Центра⁵. А всего за первое послевоенное пятилетие из Центрального Нечерноземья было переселено 156 тыс. колхозных семей, из них 80% — организовано, а остальные самостоятельно⁶. В некоторые области выхода был организован поток встречных переселенцев. В Центральном экономическом районе эта практика проводилась в отношении Калининской и Ярославской областей. По плану 1947 г., из 1117 семей ингерманландцев, переселенных из Калининградской области, 658 приняла сельская местность Калининской, а 107 — Ярославской области⁷.

Переселения второй половины 1940-х годов носили на себе следы аврального подхода, что было рецидивом военного времени. Впоследствии «организованные» переезды удавалось несколько упорядочить. По-видимому, экономические соображения постепенно стали перевешивать значение политических факторов. Из числа поставщиков населения были исключены области с неудовлетворительным балансом трудовых ресурсов, в том числе Смоленская.

Задача отбора возлагалась на переселенческие отделы при облисполкомах, реорганизованные в 1945 г. из отделов по хозяйственному устройству эвакуированного населения. При отборе семей для тех районов, прежние обитатели которых подверглись интернированию, приоритет отдавался сельским жителям. В Брянске в 1946 г. при переселении в Сахалинскую область распорядились послать 110 семей из города и 890 из села⁸. Впоследствии переселяли исключительно сельское население. Инструкциями по организации оргнабора и переселения требовалось извлекать из села лучшие кадры, вербовать «демобилизированных и лучших колхозников». В отчетах обычно указывалось количество изъятых специалистов; в подходе к сельскохозяйственному переселению определяющим был принцип отбора семей, имевших не менее двух трудоспособных членов⁹. Таким образом, структура трудовых ресурсов в местах выхода ухудшалась.

Льготы, предлагавшиеся переселенцам, по теперешним меркам выглядят весьма скромными. Однако в послевоенных условиях они оказывались действенными. В местах вселения приехавшим продавали по государственным ценам за наличный расчет продовольственное зерно по 1,5 ц на главу семьи и 0,5 ц на члена семьи; выдавали денежное пособие 1000 руб. на главу и по 300 руб. на члена семьи; прибывшим бесплатно передавали жилой дом с приусадебным участком от 0,25 до 0,6 га, а на Карельском перешейке — от 0,6 до 1 га; каждой семье в местах вселения полагалось одно пальто, 30 м хлопчатобумажных тканей, 10 л керосина, 10 кг соли, 40 коробок спичек, а каждому члену семьи — одна пара обуви, один головной убор (платок или шапка), две пары носков или чулок, две катушки ниток, 2 кг хозяйственного мыла; во время переезда бесплатно выдавали сухой паек на 10-15 суток и один раз в сутки платный горячий обед из двух блюд¹⁰.

Довольно часто организация переселения оставляла желать лучшего, что не могло не влиять на количество желавших переселиться. Из отчетов переселенческого управления за 1947 г. видно, что переселенцы из Костромской в Калининградскую область в течение четырех суток ожидали подачи вагонов, а 500 человек, переселявшихся из Калужской области, шесть суток находились на станции Козельск под открытым небом, что привело к многочисленным заболеваниям детей. В Масловском и Некоузском районах Ярославской области переселенцам продавали продукты по завышенным ценам. Многим из них приходилось платить за ночлег личные деньги. Переселенцам из Судогодского района Владимирской области вместо печеного хлеба выдали муку, людей размещали в вагонах очень скученно¹¹.

Местные власти неохотно отпускали работников из своей области. В 1947 г. против переселения возражали руководители Владимирской, Калининской, Ярославской областей, обосновывая свое несогласие недостатком рабочей силы в колхозах¹². Эти возражения обычно не принимались во внимание как в силу представлений об излишке рабочей силы в областях выхода, реальном или воображаемом, так и из-за мобилизационного характера сельскохозяйственного переселения второй половины 1940-х годов.

Что касается излишка, то он оценивался по-разному, от 15 тыс. трудоспособных в Калининской до 110 тыс. во Владимирской области. Кроме того, в некоторых областях местным властям указывали на целесообразность внутриобластного переселения и на приток жителей из других районов выселения. Тем не менее об остаточном перенаселении в первые послевоенные годы можно было говорить, главным образом, лишь в применении к западной части Центрального экономического района. В Жиздринском районе Калужской области, например, на одного трудоспособного приходилось 2,6 га пашни, в Людиновском — 3,0 га, в Кировском — 2,5 га¹³, в то время как в областях вселения этот показатель обычно превышал 10 га на одного работающего.

Одной из серьезных проблем, волновавших переселенческие органы, было распыление отбора. Например, в 1947 г. в Ярославской области 250 семей колхозников были подобраны из 17 районов и 170 колхозов, во Владимирс-

кой 150 семей — из 16 районов и т.д.¹⁴ Распыление считалось нежелательным, так как, во-первых, компактно проживающие группы односельчан лучше приживались на новом месте в сравнении с одиночками, а во-вторых (что не афишировалось), в случае возвращения группы переселенцев из-за плохих условий в местах вселения их негативный опыт не распространялся за пределы одной или нескольких деревень. Между тем исполнители на местах были заинтересованы именно в распылении отбора, поскольку выбытие одной-двух семей из колхоза не оказывало существенного воздействия на состояние местных трудовых ресурсов.

Лучше других в Центральной России с задачей отбора переселенцев справлялись Московская и Орловская области. Сообразно представлениям эпохи, большое значение придавалось внешней стороне дела. В частности, отмечалось, что все эшелоны с переселенцами, отправленные из Московской области, были художественно оформлены лозунгами, плакатами, портретами вождей и т.п. в отличие от эшелонов из Рязанской и Владимирской областей, где ничего подобного не делалось¹⁵.

В первые послевоенные годы отношение самих колхозников к переселению было скорее положительным — из-за неудовлетворительного экономического положения в местах выхода. В 1949 г. даже отмечались случаи приписки к составу семьи посторонних лиц с целью создать видимость наличия в семье двух трудоспособных членов семьи (необходимое условие отбора на переселение)¹⁶.

Материалы по Калужской области неплохо объясняют причины, побуждавшие колхозников переселяться. В 1952 г. из колхоза «Верный путь» Хвастовичского района вместо запланированных к переселению четырех семей в Молотовскую область фактически переселилось восемь, а желало еще десять. Дело в том, что большинство колхозников предпочитало работать не на земле, а на близлежащих предприятиях — в леспромхозе и на стекольном заводе, номинально оставаясь членами колхоза. В результате на каждого оставшегося трудоспособного действительного земледельца фактическая рабочая нагрузка составила семь гектаров колхозной земли вместо трех¹⁷. Этот пример доказывает, что в условиях Центрального экономического района, где существовали многочисленные промышленные предприятия и богатые традиции отходничества, бумажные расчеты нагрузки пашни на одного трудоспособного колхозника часто были далеки от реальности.

По мере того как практика переселений и оргнаборов утрачивала мобилизационный характер, и особенно после «оттепели» середины 1950-х годов, на местах усиливалось противодействие проводимым мерам со стороны местных властей, не желавших терять рабочую силу. На практике это выливалось в препятствия, чинимые заключению договоров с колхозниками, игнорирование вербовщиков. Иногда от переселявшихся местные органы власти требовали справки о согласии на переселение руководителя хозяйства, предписывали покрыть недоимки, чем нарушали закон о переселении¹⁸. Любопытно, что в 1949 г. в Калужской, Костромской, Рязанской и Ярославской областях на вопрос проверяющих о причинах невыполнения разнарядки местные руководители ответили, что не знали о плановом задании. Ясно, что в конце 1940-х годов можно было позволить себе не знать лишь о том задании, за выполнение которого строго не спрашивали (либо задание не было доведено до исполнителей, что не менее показательно). Несвоевременный расчет с государством по госпоставкам грозил гораздо более серьезными последствиями, нежели срыв плана отбора переселенцев, и из двух зол местные руководители разных уровней выбирали меньшее.

Из многочисленных примеров несогласия с планом переселения приведем лишь несколько. В 1952 г. второй секретарь Ульяновского райкома ВКП(б) Калужской области Степанова открыто заявляла, что «не будет возражать, если ее снимут за переселение с работы». Тогда же секретарь Орловского обкома партии Волков подверг сильной критике редактора Задонской районной газеты за опубликование материала по переселению и запретил обра-

шаться к этой теме, а зав. сектором печати обкома запретил райкомам публиковать подобные материалы без ведома обкома. Председатель колхоза из Верховского района Орловской области Сапунов «27 мая с.г. (1952. — О.Г.) обругал инспектора переселенческого отдела т. Минаева нецензурными словами и выгнал из райисполкома, заявивши: “Я сам все сделаю, нечего ездить по сельсоветам”»¹⁹.

Такая смелость в высказываниях и поступках ясно говорила об одном: программа переселения зашла в тупик. При этом все чаще местные руководители в своем неприятии переселенческой программы опирались на мнение «обратников», то есть вернувшихся переселенцев. Несмотря на относительно небольшое их количество, негативный опыт этих людей чрезвычайно сильно влиял на общественное мнение в местах выхода. В 1952 г. в Шиловский район Рязанской области из 65 семей, переселенных на Карельский перешеек, вернулось 16. В результате, по донесению местных переселенческих органов, «в этом районе совершенно прекратилось переселение в Ленинградскую область и район был переключен на Свердловскую область»²⁰. При определении направлений переселения обычно старались учитывать принцип совпадения природных условий, сформулированный еще в 1918 г. в «Законе о социализации земли»²¹. Из лесной зоны переселяли в лесную, из степи в степь и т.д. Это, однако, не всегда спасало положение. Согласно сведениям из Калининградской области, в 1950 г. из 4664 переселившихся было 968, в 1951 г. из 1326 — 174, в 1952 г. из 7489 — 1191 человек²².

При этом обычно возвращалось меньше колхозников, чем желало вернуться. Затруднение возникало оттого, что, по существовавшим правилам, «обратники» были обязаны компенсировать все средства, затраченные государством на их переселение. Это сдерживало обратный поток, а некоторые вернувшиеся подолгу скрывались от переселенческих органов. Возвращались потому, что отношение к переселенцам в местах вселения часто было совершенно равнодушным, а иногда даже враждебным. Письмо из Молотовской области, датированное 1951 г., сообщает, что здесь «переселенцев не встретили, квартирами не обеспечили и плюс к тому обложили налогами. Угрожают убийством, гонят из колхоза». Наполнено отчаянием письмо в Брянский облисполком переселенца в Котласский район Архангельской области Болокова: «Условий нет, и не дают, и нету. Просьба людей не обманывать, беззащитных людей, мы как здесь последние, прав не имеем. Пусть страдаем мы, а Вам проклятье!»²³

В числе причин выбытия были также слабость колхозов, потребность местных промышленных предприятий в рабочей силе, неудачный отбор переселенцев, среди которых попадались люди, не имевшие отношения к сельскому хозяйству. Информация из мест вселения тщательно дозировалась, замалчивались негативные факты. Вынужденные реагировать на большое количество «обратников», власти старались очернить этих людей. Рассматривая вопросы переселения, Калужский облисполком в 1948 г. осудил Спас-Деменский райисполком, который «допустил серьезную ошибку, отправив в Амурскую область недобросовестных переселенцев (следуют фамилии. — О.Г.). Не желая работать в колхозах, они возвратились в район и в настоящее время безнаказанно распространяют провокационные измышления о “голодовке” в пограничных областях и т.д.» В конце документа озабоченно указывалось на то, что эти люди «не только не привлекаются к ответственности, но и поощряются»²⁴. Последнее обстоятельство говорит о том, что «обратники» помогали руководителям хозяйств сохранять рабочую силу. Колхозники скорее были склонны доверять бывшим переселенцам, чем официальной пропаганде.

В создавшейся ситуации вербовщики были вынуждены действовать едва ли не по-партизански, без согласования с администрацией хозяйств. Часто они вербовали людей там, где были наихудшие условия, тем самым дополнительно осложняя положение работников, остававшихся в этих отсталых хозяйствах²⁵. Есть сведения о попытке переселить людей дважды судимых и тех, кого именовали «околоколхозный элемент»²⁶.

Характерно постепенное изменение тона руководящих документов. Еще в 1950 г. была возможна фраза: «Председатель райисполкома т. Прудников допустил распространение антигосударственных настроений о том, что в районе нет желающих на переселение». Уже в ближайшие несколько лет оценки стали мягче, виновники трудностей с переселением более не персонифицировались. В 1953 г. в «неперспективных» районах (Перемышльский и Хвастовичский Калужской области) должности инспекторов по переселению были ликвидированы без попытки замены исполнителей ²⁷.

В 1951-1952 гг. программа сельскохозяйственного переселения подверглась корректировке. Во-первых, сокращался отбор. В Центральном экономическом районе был снят план переселения с Ярославской области, а в Московской он был уменьшен. При этом сохранялся порядок формирования плана по итогам предшествующего года, то есть от достигнутого. Поэтому нередко местные органы власти не торопились выполнять план, «чтобы иметь лишний козырь к получению меньшего плана» в следующем году. Во-вторых, 19 ноября 1951 г. было издано постановление Совета министров СССР, согласно которому переселение следовало производить в основном целыми колхозами или бригадами. Это мотивировалось тем, что «в селах, как правило, соглашается на переселение отдельная группа людей, связанная родственными отношениями или производственной деятельностью» ²⁸. В-третьих, обращено внимание на льготы переселенцам, особенно освобождение от налогов или же их смягчение. Списывались все недоимки по обязательным поставкам продуктов сельского хозяйства, а также по денежным налогам и страховым платежам; в местах вселения в первый год переселенцы полностью освобождались от сельскохозяйственного налога, от подоходного налога (с доходов от сельского хозяйства), от страховых платежей и обязательных поставок государству продукции с приусадебных участков, от поставок продуктов животноводства. В последующие три года поставки и налоги взимались в размере 25% от норм поставок и ставок налога ²⁹. Учитывая тяжесть госпоставок для крестьянского двора в послевоенной советской деревне, эти льготы следует признать довольно серьезными.

В то же время именно с 1952 г. появляются свидетельства нечестной игры с переселенцами со стороны переселенческих органов — еще одно проявление кризиса переселенческой политики. Например, в Брянской и Калининской областях старались воздерживаться от посылки квартирьеров в места вселения, чтобы не давать предварительной информации об условиях будущего проживания. Учитывалось, что впечатления «ходоков» не только влияли на состояние текущего отбора, но и нередко формировали негативное общественное мнение в местах выхода, то есть работали «на перспективу». В 1952 г. «ходоки» из Костромской области отчитались перед колхозниками, что им очень понравилось в месте будущего проживания, но никто переселяться не захотел ³⁰.

Поступали предложения и вовсе запретить руководителям районов вселения давать в районы выхода переселенцев всякого рода указания о количестве семей, которые могут быть ими приняты, поскольку это дезорганизовывало работу по отбору семей ³¹. Получалось, что переселенческие органы, выполняя план, игнорировали не только ситуацию с трудовыми ресурсами в местах выхода, к чему все давно привыкли, но также не учитывали положение в местах вселения, что выглядело уже полным абсурдом. Одновременно обнаружилось, что бригадное переселение гораздо труднее, чем организация переезда отдельных семей, поскольку негативное отношение к переезду формировалось в этом случае гораздо проще.

Примечательно, что в архивных документах не содержится упоминаний о наказании исполнителей, срывавших или саботировавших сельскохозяйственное переселение. По всей видимости, руководство негласно признавало, что баланс трудовых ресурсов в местах выхода недостаточен для выполнения полномасштабной переселенческой программы.

В 1947 г. был возобновлен организованный набор рабочей силы для промышленности и строительства. Постановление Совета министров СССР от 21 мая 1947 г. «О порядке проведения организованного набора рабочих» разрешало колхозникам заключать временные трудовые договоры с предприятиями, на основании которых им предоставлялось право временного выбытия из колхоза. Несмотря на то, что формально по оргнабору колхозники уходили на строго определенный срок, фактически в деревню почти никто не возвращался и это означало утрату колхозами все большего количества рабочих рук. Переселение в колхозы проводилось одновременно с организованным набором рабочих, и количество колхозников, отобранных для работы в промышленность, обычно существенно превышало число переселенных в колхозы и совхозы. Например, в 1949 г. из села Костромской области по оргнабору выбыло 5,9 тыс. человек, по переселению — 2,2 тыс.; из Орловской — соответственно 13,6 и 2,1 тыс. человек. Из колхозов РСФСР по оргнабору в 1951—1957 гг. выбыло 739 тыс. человек; особенно же много — из областей с преобладанием крестьянского населения и низкой оплатой труда³². Таким образом, не менее трети всех выбывших по оргнабору были из Центрального экономического района³³.

Так же, как и при отборе крестьян для сельскохозяйственного переселения, оргнабор, имевший прежде директивный характер, уже с начала 1950-х годов стал обставляться различными условиями. В случае возникновения разногласий между колхозом и вербовщиком вопрос отдавался на рассмотрение райисполкома, который имел право в случае недостатка рабочей силы в отдельных колхозах запретить оргнабор. С начала 1951 г. оргнабором ведало Министерство трудовых резервов, которое пыталось руководствоваться следующим правилом: набор на местные предприятия производить из числа рабочей силы, не состоящей в колхозах. Критиковался подход, при котором колхозы рассматривались «не как отдельные сельскохозяйственные предприятия, требующие определенного минимума рабочей силы, а как неиссякаемый источник трудовых ресурсов». Отмечалось, что вербовщики едут в экономически отсталые колхозы, где проще выполнить план, чем в более благополучных колхозах³⁴. Под давлением Минсельхоза райисполкомы обязывались при доведении плана оргнабора учитывать положение с рабочей силой в каждом колхозе³⁵. В результате количество организованных выбытий из колхозов постепенно стало сокращаться.

При том, что сразу после войны больше колхозников выбывало в результате оргнабора (в сравнении со стихийной миграцией), в дальнейшем соотношение выравнивалось: стихийные выбытия делались более активными, что не могло не вызывать беспокойства властей. Со стороны колхозного руководства нередко были жалобы на «несанкционированное отходничество», особенно из областей с развитой кустарно-промысловой или государственной промышленностью (северо-восток Центра), а также из колхозов, расположенных вблизи городов, железнодорожных станций и промышленных предприятий. Признавалось, что «этот вопрос тесно связан с действующим порядком оргнабора рабочей силы, так как самовольно ушедшие колхозники принимаются на работу предприятиями и учреждениями, запрос которых на рабочую силу недостаточно или совсем не удовлетворяется по планам оргнабора». Для исправления ситуации предполагалось ввести дополнительные административные ограничения: включив в план потребности всех отраслей народного хозяйства, «можно было бы запретить прием на работу колхозников иначе как в порядке оргнабора»³⁶.

Хрущевская «оттепель» инициировала волну просьб местных властей о снятии или хотя бы сокращении плана переселения и оргнабора. Руководство Владимирской области аргументировало свой протест по плану переселения 1953 г. тем, что рабочих в области больше, чем колхозников (более 56% всего населения), а потому колхозы совершенно без рабочих рук³⁷. Тем не менее в последующие годы Владимирская область продолжала оставаться в числе территорий-доноров. Повлияло то, что в 1950-е годы изменились

критерии отбора переселенцев. В это время началось массовое создание совхозов. Соответственно, большее распространение совхозы получали и в местах нового освоения. Именно поэтому в конце 1950-х — 1960-е годы чаще стали говорить не только о переселении колхозников, но еще и рабочих и служащих. А значит, жалобы на оскудение сельских трудовых ресурсов в местах выхода можно было смело игнорировать.

Начало новой политики совпало с ведомственной реорганизацией. В 1956 г. Главное переселенческое управление и Главное управление оргнабора рабочих при Совете министров РСФСР объединились в Главное управление переселения и оргнабора рабочих при Совете министров РСФСР³⁸. С середины 1950-х годов потребность в оргнаборе резко уменьшилась, а в ряде областей Центра (Владимирской, Ивановской, Калининской, Тульской, Ярославской) сошла на нет.

Проявившееся с полной очевидностью нежелание властей привлекать для оргнабора колхозное население выглядело признанием депрессивного состояния колхозной экономики Центра. С 1957 г. вследствие хрущевских экспериментов участие крестьян в оргнаборе снова резко возросло (правда, не везде: например, в Смоленской области в 1957 г. оргнабор не проводился)³⁹.

В то же время политика сельскохозяйственного переселения зашла в тупик. В середине 1950-х годов обнаружилось стойкое нежелание переселенцев ехать в северные районы страны. В 1956 г. это даже привело к перераспределению планового задания по Калужской области. Вместо Архангельской области и Карело-Финской ССР колхозников послали в Молотовскую (Пермскую) область. Тому предшествовали попытки давления на не выполнявших план представителей местных властей, не увенчавшиеся успехом. Возможно, одной из причин невысокого энтузиазма была перспектива использования части переселявшихся в Карело-Финскую ССР для работы на Беломорско-Балтийском канале⁴⁰.

На фоне относительных успехов, достигнутых в сельском хозяйстве в середине 1950-х годов, переселенческим отделам приходилось работать в явно неблагоприятной обстановке. И хотя на рубеже десятилетий, в 1958—1961 гг., положение в этой сфере снова ухудшилось, очевидно, что новая переселенческая традиция еще не успела сформироваться. С мест вселения продолжали поступать негативные отзывы о постановке дела. В отчетах указывалось также на волокиту в деятельности отдела по переселению и, как следствие, на низкую популярность его в народе. Нередко отправка переселенцев задерживалась настолько, что они лишались возможности наладить на новом месте хозяйство до наступления холодов⁴¹.

План переселения постепенно снижался с нескольких сотен до сотни и менее семей на область в год, но и это не гарантировало его выполнения. Поэтому в начале 1960-х годов Главпереселеноргнабор был вынужден прибегнуть к практике распыления отбора, прежде подвергавшейся нещадной критике. Различие состояло в том, что раньше руководители трудоизбыточных областей распыляли план отбора по всем районам, без учета состояния трудовых ресурсов в каждом из них; теперь же распыление плана производилось на уровне главка. К отбору переселенцев подключались либо области с большим недостатком трудовых ресурсов, либо подмосковные, сильно терявшие население в миграционном обмене со столицей и потому исключенные ранее из плана отбора. Именно таким образом в план переселения 1966 г. снова попали Калужская и Костромская области⁴².

В 1959 г. изменился характер льгот, предоставляемых переселенцам. В условиях, когда налоги перестали играть существенную роль в бюджете колхозников, наиболее значимыми выплатами оказывались льготы на обзаведение. Ссуда на строительство, до 3500 руб. (обычно давалось меньше), предоставлялась на срок до десяти лет под 2% годовых. Кроме того, давался кредит в сумме 300 руб. на покупку коровы⁴³. Одновременно проявлялась инерция подходов: в льготах по-прежнему фигурировало утратившее актуальность обещание освобождения переселенцев от обязательных поставок.

Очень скоро льготы снова пришлось пересматривать. В 1965 г. было замечено, что много переселенцев выбывает из-за необеспеченности коровами. В районах вселения корова стоила не 300, а 450–600 рублей. Кроме того, пришлось признать, что условия предоставления ссуды на строительство оказывались слишком тяжелыми для переселенцев. Поэтому появился новый проект указа о льготах. После процедуры ведомственного согласования в нем осталось довольно мало от первоначальных, взвешенных предложений. В итоговом варианте ссуда на строительство планировалась в прежнем, правда максимальном, размере — 3500 руб. на 17 лет под 0,5% годовых с погашением 35% за счет государственных средств, кредит на корову — 300 руб., то есть в прежнем размере ⁴⁴. Подобные поправки не могли существенно изменить характер переселения.

В отличие от сельскохозяйственного переселения, оргнабор в начале 1960-х годов все еще влиял на статистику выбытий. По Орловской области в 1962 г. фиксировалось увеличение количества отсутствующих хозяйств «главным образом вследствие оргнабора» (в тот год в области недосчитались 236 хозяйств) ⁴⁵. В 1960—1962 гг. по указанию Совета министров РСФСР было разрешено направлять сезонных рабочих из сельской местности в лесную промышленность без выдачи паспортов ⁴⁶. Отсутствие практики подобных разрешений в предшествующие годы позволяет заключить, что прежние жесткие требования к организованному набору рабочей силы смягчались. Поскольку раньше колхозников на подобные работы привлекали реже, то и проблема выдачи паспортов не вставала. Таким образом, вследствие истощения людских ресурсов в местах выхода социальный состав участников оргнабора (как и сельскохозяйственных переселенцев) размывался.

Если в 1950-е годы просьбы о снижении планов переселения и оргнабора исходили в основном из мелкоселенных областей, то в 1960-е годы с ними выступали руководители более южных среднеселенных территорий. Например, в письме из Орловского обкома КПСС (1966 г.) говорилось: «В порядке оргнабора за последние 5 лет было направлено в другие экономические районы 7 тыс. рабочих, за которыми последовали члены их семей и родственники, что значительно увеличило число убывающих людей за пределы области». Высказывалась просьба «рассмотреть вопрос о прекращении оргнабора рабочих из Орловской области для других районов и разрешить провести в 1967 г. внутриобластной оргнабор для промышленных предприятий Орловской области в количестве 5 тыс. и строительных организаций в количестве 1 тыс. человек». Ответ был отрицательным, поскольку в Орловской области по-прежнему признавалось наличие избытка трудоспособного населения, а восточные районы требовали освоения. Более того, руководству области был доведен специальный (!) — в дополнение к существующему — план оргнабора на 1967 г. в количестве 1050 человек, в связи с чем «представитель Орловского облисполкома разногласий не заявил» ⁴⁷.

В этой ситуации обращает на себя внимание поведение местных властей. Их просьба о перераспределении оргнабора была продиктована интересами развития местной промышленности, а не села, поскольку рабочую силу по-прежнему предполагалось рекрутировать из сельской местности.

В то же время роль организованных форм выбытия в 1960-е годы продолжала снижаться. Соответственно падало влияние отделов Главпереселеноргнабора на жизнь региона. План набора оставался низким. Работники отделов находились перед трудным выбором: с одной стороны, переселенцы легче всего вербовались в колхозах из-за низкого уровня жизни, с другой — с учетом демографических реалий ставилась задача приоритетного переселения городских жителей и рабочих совхозов, которые переезжали неохотно. В качестве цели переселения выбирались чаще совхозы, а старая инструкция запрещала переселение колхозников не в колхозы. В этой ситуации деятельность переселенческих органов становилась весьма условной. Колхозники почти совсем исключались из плана переселения ⁴⁸. Как следствие, в 1967 г. была проведена очередная реорганизация: функции Главпереселеноргнабора

передавались Госкомитету Совета министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов⁴⁹. Этим шагом признавалось снижение действенности программы сельскохозяйственного переселения и делалась попытка приспособить ее к изменившейся ситуации.

Деятельность переселенческих органов в итоге не была остановлена, но она не могла оказать (к сожалению или к счастью) сколько-нибудь значительного влияния на изменение баланса трудовых ресурсов на местах. По данным за 1968 г., на 1600 человек, переселенных в организованном порядке, приходилось более 90 тыс. человек, выбывших с прежних мест жительства самостоятельно⁵⁰.

Опыт организованного набора рабочих и сельскохозяйственного переселения в послевоенные десятилетия нельзя признать удачным. Игнорирование состояния трудовых ресурсов и естественных путей оттока рабочей силы в местах выхода, равнодушная игра судьбами тружеников во имя ближайших политических и не всегда продуманных экономических целей — все это не осталось без последствий.

Хотя доля организованных мигрантов в общей статистике выехавших из села в конце 1940-х — первой половине 1950-х годов была значительной, интенсивность оттока сельских жителей из села в этот период не может сравниться с размерами миграции в последующие десятилетия, особенно в конце 50-х — 60-е годы. К этому времени организованные формы оттока работников из села утратили значение по сравнению со стихийной миграцией. Именно поэтому организованная миграция сыграла лишь второстепенную роль в процессе депопуляции села Центрального Нечерноземья.

Примечания

1. См.: ВЕРБИЦКАЯ О.М. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946—1958 гг. — Вопросы истории, 1986, № 12; КУВАРИН И.Я. Сельскохозяйственное переселение в СССР и его значение в развитии производительных сил. Канд. дисс. М. 1962; ЗАНДАНОВА Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х — середина 60-х гг. XX в.). Иркутск. 1997; ПЛАТУНОВ Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 г.). Томск. 1976; и др.
2. ПЛАТУНОВ Н.И. Ук. соч., с. 82, 74.
3. Государственный архив Калужской области (ГАКО). ф. 883, оп. 15, д. 89, л. 130.
4. КАЗАКОВ А.И. Население Смоленщины: прошлое и настоящее. Смоленск. 1988. С. 73.
5. ГАКО, ф. 883, оп. 15, д. 89, л. 135.
6. ЗИМА В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 гг. М. 1996, с. 206.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. А-327, оп. 2, д. 443, л. 78.
8. Государственный архив Брянской области (ГАБО), ф. 6, оп. 3. д. 130, л. 214; д. 212, л. 336.
9. ГАКО, ф. 883, оп. 16, д. 196, л. 249.
10. ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 443, л. 38—39; д. 441, л. 86.
11. Там же, д. 442, л. 24; д. 441, л. 92; д. 561, л. 2.
12. Там же, д. 441, л. 92.
13. Там же; ГАКО, ф. 883, оп. 16, д. 396, л. 7.
14. ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 561, л. 1—2.
15. Там же, л. 14.
16. ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 473, л. 3.
17. Там же, д. 590, л. 45.
18. ГАБО, ф. 6, оп. 3, д. 370, л. 133; ГАКО, ф. 883, оп. 16, д. 1149, л. 10.
19. ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 590, л. 52; д. 591, л. 45.
20. Там же, д. 592, л. 161.
21. Вестник Народного комиссариата внутренних дел, 22.II.1918.
22. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 5675, оп. 1, д. 641, л. 26.
23. ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 503, л. 15, 194.
24. ГАКО, ф. 883, оп. 16, д. 663, л. 30.
25. ВОЛКОВ И.М. Колхозы и колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы. Докт. дисс. М. 1968, с. 425.
26. ГАКО, ф. 883, оп. 16, д. 1148, л. 70.
27. Там же, оп. 17, д. 735, л. 20; оп. 16, д. 1420, л. 34.

28. ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 503, л. 117; д. 590, л. 10; д. 591, л. 19.
29. Там же, д. 590, л. 35.
30. Там же, д. 518, л. 147, 88.
31. Там же, л. 138.
32. Там же; ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 593, л. 66, 88; ИВАНОВ Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х — 50-е гг.). В кн.: Судьбы российского крестьянства. М. 1996, с. 421.
33. ВЕРБИЦКАЯ О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М. 1992, с. 86.
34. РГАЭ, ф. 1562, оп. 7, д. 1057, л. 251, 235—237, 242.
35. Там же, л. 175.
36. Там же, л. 330.
37. ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 590, л. 74.
38. ГАБО, ф. 6, оп. 3, д. 1507, л. 207.
39. ВЕРБИЦКАЯ О.М. Российское крестьянство, с. 86; ГАРФ, ф. А-374, оп. 30, д. 11984, л. 63.
40. ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 503, л. 15; ГАКО, ф. 883, оп. 16, д. 731, л. 15—16; д. 735, л. 19—20; д. 690, л. 61—67; д. 742, л. 21—22.
41. ГАБО, ф. 1853, оп. 1, д. 29, л. 55; д. 35, л. 2.
42. ГАРФ, ф. А-518, оп. 1, д. 308, л. 139—148.
43. Там же, д. 275, л. 327.
44. Там же, л. 141, 487.
45. Там же, ф. А-374, оп. 32, д. 3092, л. 96.
46. Там же, ф. А-518, оп. 1, д. 226, л. 36.
47. Там же, ф. А-518, оп. 1, д. 301, л. 308—310, 346.
48. См. напр.: ГАКО, ф. 883, оп. 17, д. 3144, л. 63.
49. ГАРФ, ф. А-518, оп. 1, д. 301, л. 520.
50. ГАБО, ф. 6, оп. 4, д. 1242, л. 141.